

ОБРАЗ БАЛЬДРА В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОГО КУЛЬТА ОДИНА

И.О. Негреев

Миф о Бальдре чрезвычайно сложен, и вследствие этого с самого первого момента, когда скандинависты обратили на него свое внимание, и до сегодняшнего дня он представляет предмет научной дискуссии. Однако для всех исследователей очевидно, что это один из ключевых древнескандинавских мифов. Так как культ Одина — последняя стадия языческой религии Северной Европы, он так или иначе должен быть соотнесен с мифом о Бальдре. Для того чтобы определить, какое место занимал этот миф в контексте культа Одина, будет целесообразно разделить статью на шесть частей. В первой части будут приведены общие замечания, касающиеся образа Бальдра, во второй и третьей мы детально рассмотрим две версии мифа, в четвертой и пятой проанализируем основные интерпретации мифа и его связь с культом Одина, последняя часть будет представлять собой заключение.

Вводные замечания

Древние ведические тексты провозглашают, что «жертвою боги пожертвовали жертве»¹. В загадочном созвучии с ними цепь германо-скандинавских мифических жертвоприношений, совершенных Одином (Имир-Квасир-Один), заканчивается рассказом об убийстве юного сына Одина — бога Бальдра (*Baldr*). Связь Бальдра с жертвой очевидна и подтверждается словами прорицательницы Вёльвы: «Я видела Бальдра, кровавую жертву»².

Бальдр — один из наиболее важных германских богов и один из асов. Правда, в преданиях, как справедливо замечал М.И. Стеблин-Каменский, говорится «в основном не о нем самом, а о его смерти»³, поэтому при ближайшем рассмотрении создается

впечатление, что этот бог существует исключительно в контексте мифа о его насильственной кончине и последующих похорон. Анализируя образ Бальдра, Е.М. Мелетинский писал: «...миф о Бальдре, занимающий центральное место в древнескандинавской поэтической мифологии, есть в сущности этимологический миф о происхождении смерти и, вместе с тем, пролог к трагедии гибели мира, собственно введение в скандинавскую эсхатологию»⁴.

Хоть смерть Бальдра и занимает центральное место в германской мифологии, единственным источником, который рассказывает непосредственно о нем самом, помимо краткой ссылки во Втором Марзенбургском заклинании⁵, является литература Древней Скандинавии. Скандинавская версия смерти этого бога подразделяется на норвежско-исландскую и датскую традиции. Большая часть деталей мифа о Бальдре сообщается в «Эдде» Стурлусона Снорри, где он приводит наиболее подробное сказание о смерти и похоронах бога. В «Старшей Эдде» присутствуют лишь намеки на данный миф. Известен также рассказ Саксона Грамматика о Бальдерусе (т.е. Бальдре), который будет рассмотрен более подробно ниже, однако уже сейчас следует заметить, что между сюжетом Саксона и мифом, переданным Снорри, совсем мало общего.

Несмотря на центральную роль мифа, свидетельств организованного культа Бальдра немного. Множество мест в Исландии и Норвегии сохраняют в топонимике имя этого бога, а *Friðbjórfs Saga*, написанная в XIV в., говорит о луге Бальдра (*Baldrshage*) в западной Норвегии, на котором находились святилище и великолепный замок с идолами многих богов, среди которых Бальдр почитался больше всех. Однако других свидетельств нет.

¹ RV. X, 90; 16 (пер. Т.Я. Елизаренкова).

² *Völuspá*. 31

³ Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии // Труды по филологии. СПб., 2003. С. 52.

⁴ Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система // Мелетинский Е.М. Избранные статьи: Воспоминания. М., 2008. С. 259.

⁵ Несмотря на то что большая часть скандинавистов согласна с тем, что Бальдр фигурирует во Втором Марзенбургском заклинании, есть и иная точка зрения. — См., напр: Бальдр // Мифы народов мира. Т. 1. С. 258. («Попытка немецкого ученого Ф. Генцмера усмотреть намеки на миф о Бальдре в так называемом Втором Мерзебургском заклинании недоказательна».)

Миф о смерти Бальдра интерпретировался многократно. В течение долгого времени филологи, мифологи, специалисты в области сравнительного религиоведения и кабинетные антропологи пытались разрешить проблему Бальдра. Исследователи связывали этот образ и с христианским влиянием, и с представлениями о происхождении смерти и первой жертвы, и с различными эллинистическими и восточными культами так называемых умирающих и воскресающих богов, и с обрядами инициации, и с засвидетельствованным в Скандинавии ритуальным умерщвлением конунга для отвращения несчастья⁶.

Этимология имени *Baldr* до сих пор не объяснена полностью. Все версии без исключения зависят от интерпретации, данной тем или иным автором, мифа о Бальдре. Согласно наиболее ранним исследованиям, это имя происходит от индоевропейского корня **bhel* — «белый» (например, у балтов). Это делает Бальдра богом света, что соответствует описанию Снорри.

Помимо этой версии, существует предположение, что слово «Бальдр» связано с др.-англ. *bealdor*, что означает «господин», «владыка», и следовательно, др.-в.-нем. *Balder*, упомянутое во Втором Марзбургском заклинании, может быть переведено таким образом⁷. Если рассматривать имя Бальдр как связанное с др.-в.-нем. *bald*, что означает «смелый», тогда этому асу может быть приписан воинственный характер, что, «однако, не находит подтверждения ни в одном из источников и не вписывается в картину наших представлений о Бальдре»⁸, резюмирует Рудольф Симек. Впрочем, смелость и даже воинственность юного бога присутствуют в предании Саксона, которое не менее важно для понимания образа Бальдра, чем эддическая традиция. К тому же он сын Одина, часто именуемого «богом войны», и потому предположение, что его имя означает «смелость», напрашивается само по себе. Шрёдер даже искусственно выводил формулу **bal-ora-m* (сила), придавая Бальдру значение бога плодородия. Следует отметить, что если эта

версия и верна, она может вовсе и не означать, что Бальдр — бог с узкой функцией плодородия. Возможно, следует говорить о боге — подателе жизни или даже просто о сильном боге.

Бальдр в эддической традиции

В первую очередь представляется целесообразным рассмотреть непосредственно миф, как он представлен в эддической традиции. В «Младшей Эдде» в «Видении Гюльви» Бальдр описывается следующим образом: «Второй сын Одина — это Бальдр. О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и его все прославляют. Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние. Есть растение, столь белоснежное, что равняют его с ресницами Бальдра, из всех растений оно самое белое. Теперь ты можешь вообразить, насколько светлы и прекрасны волосы его и тело. Он самый мудрый из асов, самый сладкоречивый и благостный. Но написано ему на роду, что не исполнится ни один из его приговоров. Он живет в месте, что зовется Брейдаблик (*Breidablik*), на небесах. В этом месте не может быть никакого порока»⁹. Из различных кеннингов, которые приводит Снорри в «Языке поэзии», мы узнаем, что мать Бальдра — Фригг, его жена — Нанна (*Nanna*), а сын — Форсети (*Forseti*), а также что он владеет кораблем Хрингхорни (*Hringhorni*), на котором, по всей видимости, будет сожжен после смерти¹⁰, и кольцом Одина Драупнир, которое тот возложил на погребальный костер сына¹¹. В целом описание Бальдра резко контрастирует с характеристиками иных богов: он подчеркнуто идеален, в то время как другие боги склонны совершать разного рода сомнительные поступки.

Драма Бальдра началась с того, что молодому богу стали сниться дурные сны, предвещавшие скорую беду. Это предание сохранилось не только в «Видении Гюльви» у Снорри, но и в «Снах Бальдра» — поэме неизвестного автора, относимой к корпусу «Старшей Эдды» и по сути являющейся развитием беседы Одина с мертвой прорицательницей Вэль-

⁶ Краткую историографию по проблеме Бальдра см.: Lindow J. The Tears of the Gods: A Note on the Death of Baldr in Scandinavian Mythology // J. of English and Germanic Philology. Vol. 101. № 2 (Apr., 2002). P. 156–169; *Idem*. Murder and Vengeance among the Gods: Baldr in Scandinavian Mythology // FF Communications. № 262. Helsinki, 1997.

⁷ В целом эти этимологии приводятся уже у Якоба Грима. — Grimm J. Teutonic Mythology: in 4 vol. Vol. 1 / tr. J.S. Stallybrass. L., 1884–1888. P. 220f.

⁸ Simek R. Dictionary of northern mythology. Cambridge, 1993. P. 28.

⁹ Gylfaginning. 21; цит. по: Младшая Эдда / пер. О.А. Смирницкой. М., 1970. С. 42.

¹⁰ Gylfaginning. 48.

¹¹ Skáldskaparmál. 11.

вой¹². Бальдр рассказал о своих снах асам, после чего на тинге было решено оградить его от грозящей ему опасности. Со всех вещей в мире, как одушевленных, так и неодушевленных, Фригт взяла клятву не причинять вреда Бальдру. После этого боги устроили весьма сомнительную забаву: поставив Бальдра на поле тинга, они стали метать в него стрелы и камни, которые не могли ничем ему навредить. Узнав об этом, Локи обернулся женщиной, пришел к Фригт и хитростью выведал у нее, что богиня взяла клятву со всех вещей, кроме побега омелы, поскольку тот был слишком молод и на первый взгляд совершенно безвреден. Локи вырвал с корнем этот побег и явился с ним на поле тинга. Там в стороне стоял слепой ас Хёд (*Héðr*), которому Локи вложил в руку прут омелы и подговорил метнуть его в Бальдра. Прут пронзил Бальдра, и он упал на землю замертво.

Далее Снорри описывает горе, охватившее богов: «...язык перестал слушаться асов, и не повиновались им руки, чтобы поднять его... когда асы попытались говорить, сначала был слышен только плач, ибо никто не мог поведать другому словами о своей скорби. Но Одину было тяжелее всех сносить утрату: лучше других постигал он, сколь великий урон причинила асам смерть Бальдра»¹³. После того как боги пришли в себя, другой сын Одина, Хермод (*Hermóðr*), вызвался ехать в царство мертвых к Хель, чтобы попросить отпустить Бальдра назад в Асгард. В это время боги перенесли тело Бальдра на ладью Хрингхорни и позвали великаншу Хюррокни (ее имя может переводиться как «сморщенная от огня»), чтобы та спустила корабль на воду. Она приехала на волке, а поводьями ей служили змеи (это указывает на хтоническое происхождение данного персонажа), и даже четыре берсерка не могли удержать ее коня. Жена Бальдра Нанна умерла от горя, и ее положили на ладью вместе с мужем и подожгли корабль. Тор освятил своим молотом костер и кинул в огонь карлика по имени Лит (*Litr*). На погребальную процессию собрались все главные боги, а также инеистые и горные великаны. В итоге вместе

с карликами за похоронами Бальдра наблюдала вся вселенная скандинавской мифологии. Один возложил свое кольцо на костер, после чего оно обрело свойство каждую девятую ночь производить восемь колец такого же размера. В «Старшей Эдде» добавляется, что Один прошептал нечто мертвому сыну, когда тот лежал на погребальном костре, но что именно и зачем это было сделано, неизвестно. Великан Вафтруднир говорит об этом Одину: «Никто не знает, что потаенно ты сыну сказал»¹⁴.

Затем Снорри рассказывает об отправившемся в Хель Хермоде. Ас скакал девять ночей, прежде чем подъехал к реке Гьёлль (*Gjöll*) и к священному мосту в мир мертвых, путь в который постоянно ведет вниз и на север. Оказавшись в Хель, Хермод увидел своего брата Бальдра, сидящего на почетном месте, и после ночи, проведенной в загробном мире, стал просить Хель отпустить брата. Но та поставила условие: по Бальдру должно плакать всё сущее на свете, как живое, так и мертвое, и тогда она его отпустит. Взяв у брата перстень Одина, Хермод покинул Хель и возвратился в мир богов. Все существа в мире начали оплакивать кончину Бальдра и молить о его возвращении, лишь одна великанша по имени Тёкк отказалась плакать по нему, и, как резюмирует Снорри, «люди полагают, что это был не кто иной, как Локи»¹⁵.

Завершающий аккорд эддической традиции в сюжете о Бальдре представляет упоминание в «Прорицании Вэльвы» того, что в конце времен, после Рагнарёк, Бальдр и Хёд выйдут из Хель приречными¹⁶.

Главная проблема, связанная с преданием из «Младшей Эдды», — поиск источников, на которые опирался Снорри в своем повествовании о смерти Бальдра и поездке Хермода в Хель. Вероятно, Снорри следует за версией стихотворения конца X в. *Húsdrápa* скальда Ульфа Уггасона (*Ulfur Uggason*), который описывает деревянные резные фигуры в исландском праздничном зале¹⁷. Обстоятельства сочинения этой поэмы записаны в «Саге о людях из Лаксдаля»¹⁸.

¹² Анализ поэмы и ее связь с другими поэмами «Старшей Эдды» см., напр.: *Malm M. Baldrs draumar: literally and literarily // Old Norse Myths, Literature and Society: 11-th International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 277f.*

¹³ *Gylfaginning*. 48; цит. по: Младшая Эдда. С. 82–83.

¹⁴ *Vafþrúðnismál*. 55; цит. по: Старшая Эдда. С. 35.

¹⁵ *Gylfaginning*. 48; цит. по: Младшая Эдда. С. 86.

¹⁶ *Völuspá*. 62–63.

¹⁷ *Neckel G. Die Überlieferungen vom Gotte Balder. Dortmund, 1920. P. 65–66.*

¹⁸ *Laxdœla saga*. XXIX. (Олаф построил роскошный дом в западной Исландии, в котором на деревянных панелях были очень искусно вырезаны сцены из жизни богов. После того как работа была закончена, Ульф сочинил стихотворение о вырезанных мифических сценах. Там были изображены и похороны Бальдра: Фрейр возвышался на своем золотом ошестиненном борове, и Один ехал к костру, сопровождаемый воронами и валькириями, и Хеймдалль и могущественная богиня гор, т.е. великанша.)

В дополнение к этому, как указывалось выше, несколько намеков на детали мифа содержатся в «Старшей Эдде», в частности, в поэме «Сны Бальдра». Также Снорри, описывая жилище Бальдра, фактически цитирует «Речи Гримнира» — текст, вероятно, восходящий к X в. В «Прорицании Вэльвы» эпизод с Бальдром непосредственно предшествует Рагнорёк¹⁹. Вэльва говорит, что видит, как окровавленный бог принял свою смерть, видит побег омелы, однако о подробностях самой смерти умалчивает. Она видит омелу, тонкую и очень красивую, возвышающуюся над полями, и этот побег стал оружием. Очень скоро, говорит провидица, сын родился у Одина, который ни рук не омыл, ни волос не расчесал, пока не убил врага Бальдра. Описание омелы у Снорри и в «Прорицании Вэльвы», как указывал Тюрвиль-Питр, «подразумевает, что традиция достигла своей заключительной формы на земле, где омега не была известна, в Исландии или, возможно, в западной Норвегии»²⁰.

Вышесказанное свидетельствует, что миф о смерти Бальдра в том или ином виде существовал задолго до Снорри, однако нижнюю границу датировки мифа определить практически невозможно. В 70-х годах XX в. Хаук²¹ достаточно убедительно доказал, что на рисунках, датируемых Эпохой Переселения, сделанных на брактеатах, посвященных Одину, присутствовали основные сцены мифа о Бальдре. Таким образом, становится очевидно, что уже за 600 лет до рождения Снорри были известны смерть Бальдра от омелы, передача Одином кольца, прибытие Бальдра в Хель. Все эти сцены представлены на рисунках.

Бальдр у Саксона Грамматика

Необходимо рассмотреть и иную версию этого мифа. У Саксона Грамматика в «Деянии датчан»²² причиной спора между Бальдерусом и Хётерусом (Саксон дает имена персонажей на латинский лад — *Balderus*, *Høtherus*) является Нанна.

Хёд был сыном Ходбродда (*Hodbrodd*), короля Швеции. После смерти отца Хёд был отправлен Геваром (*Gevarus*) в Норвегию, где быстро достиг мастерства во многих умениях, и особенно в игре на арфе. Своей музыкой он мог влиять на сознание людей, и таким образом он добился любви Нанны,

дочери Гевара. Нанна была красива, и когда Бальдр увидел, как она моется, то воспылал желанием к ней и решил убить своего соперника Хёда.

Однажды Хёд заблудился на болоте и набрел на хижину, в которой находились лесные девы. Они поведали ему, что даруют удачу в войне и незримо принимают участие в битвах. Также девы рассказали Хёду о намерениях Бальдра, но предупредили его, чтобы сам он не напал на Бальдра, поскольку тот полон ненависти с тех пор, как стал полубогом. Далее дом и девушки исчезли, и Хёд очутился в открытом поле в одиночестве.

После возвращения к своему приемному отцу Хёд попросил руки Нанны, но Гевар не отважился отдать за него дочь из страха перед Бальдром. Вместо этого Гевар рассказал Хёду о мече, способном убить Бальдра, и о кольце, которое дарует богатство своему владельцу. Эти сокровища находились в руках Миминга (*Mimingus*), обитающего в далеком холодном краю. Хёд предпринял длительное путешествие и с помощью хитроумной уловки захватил сокровища Миминга.

Пока Хёд был в отъезде, Бальдр потребовал у Гевара отдать ему Нанну. Гевар позволил дочери принять решение самой, и та отказала Бальдру на основании, что он является богом, и их природы несовместимы. Разозленный дерзостью Бальдра, Хёд и его союзники начали сражение. Один и другие боги сражались на стороне Бальдра, и впереди всех был Тор, сокрушая молотом всё на своем пути. Победа досталась бы богам, если бы Тор не сломал свой молот. Тогда боги покинули поле битвы, и Хёд смог жениться на Нанне. Он увез ее в Швецию, где весьма почитался народом, в то время как над Бальдром там насмеялись.

Через некоторое время Бальдр одержал победу над Хёдом в Дании, но это не принесло ему ничего хорошего. Он стал мучиться от ночных видений Нанны, его здоровье ухудшилось, и он настолько ослаб, что его приходилось возить на колеснице.

Далее в одном из сражений Бальдр одержал еще одну победу над Хёдом, и тому пришлось бежать с поля боя. Пробираясь в одиночестве по шведским лесам, Хёд снова попал к тем же самым лесным девам. На этот раз они поведали ему, что он одолеет своего врага, только если отведаст волшебной пищи, которая составляет силу Бальдра. И снова две армии

¹⁹ *Völuspá*. 31–35.

²⁰ *Turville-Petre E.O.G. Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia*. L., 1964. P. 108.

²¹ *Hauck K. Goldbrakteaten aus Sievern*. München, 1970.

²² *Gaesta Danorum*. III; 69f.

сошлись в битве. После больших потерь с обеих сторон бойцы прервались на ночь. В полночь Хёд выследил трех дев, несущих волшебную пищу, и, притворившись менестрелем, стал развлекать их своей музыкой. Девы готовили пищу для Бальдра с ядом трех змей и разрешили попробовать эту пищу Хёду, а также отдали ему пояс победы.

По пути назад Хёд встретил своего старого врага и пронзил его мечом. Бальдр упал на землю смертельно раненным, однако на следующий день снова сражался. Ночью ему явилась богиня Прозерпина и пообещала свои объятия. Через три дня Бальдр умер, и после королевских похорон его тело положили в могилу.

Далее Саксон рассказывает о мести Одина. Бог обратился за помощью к лапландскому мудрецу Ростифосу (*Rostiophus*), и тот открыл ему, что мстителя Одина родит Ринда, дочь короля Рутении (Руси). Один с помощью колдовства поступил на службу к этому королю, но девушка отклонила его предложение. Тогда, обернувшись женщиной, Один стал служанкой Ринды и изнасиловал ее. Бус, сын Одина и Ринды, встретил Хёда в битве и убил его, сам при этом погибнув.

Вряд ли Саксон сам выдумал то, что Бальдр был датским королем. Скорее, эта идея проистекает из древней традиции, которая ассоциирует имя Бальдра с королевским домом в Лейре. Указание на это содержит строка из исландского стихотворения *Bjarkamál*. Также это подтверждается тем, что Брейдаблик (*Breidablik*), мифический дворец Бальдра, можно обнаружить в названии датской местности Бредеблихе (*Bredébliche*) возле Лейре, согласно шведскому хронисту Йоханнесу Мессениусу²³. С этой версией отчасти согласуется замечание Снорри в прологе к «Младшей Эдде», где он говорит, что второго сына Одина звали Бельдег (*Baldeg*), но сам называет его Бальдром, а также информация в «Саге об инглингах», где сказано, что, придя в Швецию, Один оставил Бальдра править в Брейдаблике — правда, там указана не Дания, а Швеция. Таким образом, Бальдр, как и его отец Один, возможно, являлся мифическим предком датской королевской семьи; это предположение подтверждается тем, что

в датски ориентированных англосаксонских генеалогиях имя *Bældæg* заменено на *Бальдр*.

Итак, сопоставляя разные версии мифа, мы видим две практически противоположные картины. Такое различие само по себе свидетельствует о древности мифа. Чтобы две версии настолько далеко разошлись, должно было пройти много времени с того момента, когда они были одним мифом. Различаются не только детали, но и характеры главных действующих лиц, хотя и сохраняется некоторая общая канва: Бальдр пал от руки Хёда, использовавшего особенное оружие, а сам убийца погиб от руки другого сына Одина. У Саксона отсутствует рассказ о попытках воскресить Бальдра, нет поездки в Хель, нет Локи, а также нет предания о том, что после Рагнарёка Бальдр и Хёд вернутся. Соответственно, возникает главный вопрос: какая из версий находится ближе к первоисточнику и существовал ли такой первоисточник вообще? Вместе с тем обе версии могут быть полезны в понимании проблемы Бальдра, и рассказ Саксона способен восполнить возможные лакуны в эддической традиции.

У Саксона отсутствует Локи, что ставит вопрос об архаичности участия этого персонажа в рассматриваемом мифе. Некоторые исследователи, например Дюмезиль²⁴, Де Фриз²⁵, Рудольф Симек²⁶, говорят о том, что Локи изначально присутствует в этом мифе. Об этом, возможно, свидетельствует наказание Локи, упомянутое Вэльвой. Аналогично и в «Перебранке Локи» Локи признается Фригг, что Бальдр погиб по его вине²⁷. Дюмезиль отстаивал архаичность присутствия в мифе Локи через индоевропейский параллелизм с осетинской мифологией, в которой описан конфликт Сослан-Сырдон, по мнению ученого, подобный конфликту Бальдр-Локи: «...поскольку сами по себе эти две смерти однотипны и основаны на аналогичных религиозных представлениях, мы уже не вправе рассматривать порознь случаи Локи-Бальдр и Сырдон-Сослан»²⁸. Однако параллель, на которую указывает Дюмезиль, неоднозначна, поскольку в осетинском эпосе есть иной сюжет, в большей степени похожий на скандинавский миф о смерти Бальдра. Сослан и Сырдон поссорились из-за того, что в отсутствие

²³ Simek R. Dictionary of northern mythology. P. 27.

²⁴ Dumézil G. Gods of the Ancient Northmen. L., 1973. P. 60–65.

²⁵ Vries J. de. Der Mythos von Balders Tod // Arkiv für nordisk filologi. № 70. 1955. P. 41–60.

²⁶ Simek R. Dictionary of northern mythology. P. 27.

²⁷ Lokasenna. 28.

²⁸ Дюмезиль Ж. Локи // Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 116.

Сослана Сырдон заколдал своего сына, обернул в воловью шкуру и поставил на крышу, чтобы нартские юноши стреляли в него из лука. Только стрела Сослана могла попасть в цель и убить мальчика. Сослан неожиданно вернулся и, решив наказать Сырдона, выстрелил и убил его сына. После этого началась вражда, которая и стала основным материалом в анализе Дюмезиля. Сырдон в различных осетинских сказаниях, действительно, напоминает Локи, однако сказание о смерти сына Сырдона куда ближе к мифу о смерти Бальдра, чем сказание о смерти Сослана от руки хитрого Сырдона. Всё это свидетельствует об индоевропейских корнях Локи и мифа о Бальдре, но отнюдь не об участии Локи в смерти Бальдра.

Другие исследователи сомневаются в том, что Локи присутствовал в мифе изначально. Например, Тюрвиль-Питр полагает, что этот персонаж мог быть привнесен в миф позднее, ведь, согласно Саксону, Хёд — единственный убийца Бальдра, а о Локи нет ни слова. Исследователь отмечает: «...возможно, история Саксона глубже»²⁹. В этом контексте Эдгар Поломе пишет: «Снорри сделал Локи ответственным, но вопреки Дюмезилю и Де Фризу я полагаю, что он поступил так только на основании своих этических представлений, с целью ассоциировать смерть с определенным демоническим элементом, как в библейской космической драме»³⁰.

Повествование Саксона не лишено явных противоречий, на которые уже давно обратили внимание исследователи. Например, меч, который должен был сразить Бальдра, не убил его сразу, и Хёд, уже обладая этим мечом, долгое время терпел поражения. Ридберг, анализируя этот момент, предполагал, что Саксон несколько запутался в источниках и из-за схожести звучания имен *Hoder-Oder* перепутал эддического Хёда (*Hödr*) с Одром (*Óðr*)³¹. Одр, так же как и Хёд в рассказе Саксона, имел конфликт с богами, но не с Бальдром, а с Тором. Схожесть имен и ситуаций достаточна, по мнению Ридберга, чтобы объяснить беспорядок у Саксона.

Встречается мнение, что Саксон следует исландской традиции устной саги о Хёде. Однако хоть сам он и говорит, что использовал исландские источники, в это трудно поверить: вряд ли Бальдр мог существовать в таких различных образах в столь небольшом исландском обществе³². Скорее всего Саксон следовал датской традиции, возможно даже, как уточняет Поломе³³, какому-то датскому рассказу, в то время как Снорри почерпнул свою версию у исландских или западно-норвежских поэтов. Саксон неоднократно упоминает места в Дании, с которыми ассоциируется рассказ о Бальдре.

История, изложенная Саксоном, сохранила, по всей видимости, немало архаики, но вместе с тем она наполнена множеством средневековых мотивов, таких, например, как волшебная арфа. «Очевидно, что датские историки не понимали языческого образа мышления и демонстрировали нехватку причастности к ней, как и Снорри»³⁴, — отмечает Поломе. Вместе с тем, как полагает Тюрвиль-Питр, «Саксон мог хорошо сохранить древние элементы, которые не встречаются в западных источниках»³⁵. История Снорри также не лишена ценности как источник информации об изначальной форме мифа о Бальдре. Анализируя соотношение двух источников, Поломе пишет: «...в то время как Снорри модифицирует миф этическими мотивами, пытаясь сделать Локи демоническим оппонентом богов и приписать ему главную роль в оппозиции по отношению к святой жертве и слепому инструменту — Хёду, Саксон лучше показывает последние две фигуры и также отображает причину их вражды в соперничестве за руку Нанны, что каким-то образом исчезает в подоплеке истории Снорри»³⁶. Саксон, действительно, более прямолинеен в своем изложении, он мыслит миф о Бальдре в рамках человеческой аксиологии, существовавшей вокруг него. Но, возможно, такой подход не удаляет нас от первоисточника дальше, чем попытка Снорри последовательно изложить мифологию.

²⁹ Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North*. P. 114.

³⁰ Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion // Myth and Law Among the Indo-Europeans: Studies in Indo-European Comparative Mythology* / ed. J. Puhvel. Berkeley & Los Angeles, 1970. P. 79.

³¹ Rydberg V. *Teutonic mythology*. Vol. 3. L.; Copenhagen; Stockholm; Berlin; N. Y., 1906. P. 790f.

³² Turville-Petre E.O.G. *Op. cit.* P. 114.

³³ Polomé E.C. *Op. cit.* P. 66–67.

³⁴ *Ibid.* P. 67.

³⁵ Turville-Petre E.O.G. *Op. cit.* P. 115.

³⁶ Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 67.

Интерпретации мифа о Бальдре

Как было сказано выше, интерпретаций сюжета о Бальдре существует множество. Среди них следует упомянуть гипотезы Софуса Бугге и Дж. Фрейзера. Первый традиционно видел в мифе о Бальдре христианское влияние³⁷, второй относил это сказание к ежегодным ритуалам возобновления³⁸. Помимо традиционных интерпретаций, есть отчасти новаторские, среди которых можно упомянуть гипотезу Маргарет Клунис Росс³⁹. Исследовательница полагала, что проблема Бальдра чрезвычайно династическая, поскольку Бальдр был единственным сыном и законным наследником Одина, и его смерть делала невозможным династическое наследование. Впрочем, сомнительно, что генезис мифа о Бальдре, а также место этого сказания в скандинавской мифологии можно ограничить разысканиями в области традиции наследования власти. Джон Линдоу справедливо пишет, что едва ли в повествовании Снорри из «Младшей Эдды» и «Саги об инглингах» присутствует идея, что для передачи власти негодным абсолютно законный наследник, и далее резюмирует: «Но даже если я не прав, полемизируя с тем, что смерть Бальдра демонстрирует проблему династической последовательности в рамках мифологии, я просто хотел бы указать, что эта гипотеза... не может сказать нам, почему, например, Бальдр погибает от побега омыли или почему есть тщательно продуманная история о неудавшейся попытке вернуть Бальдра к жизни»⁴⁰.

Достаточно популярна по сей день гипотеза о ближневосточном влиянии, в основе которой лежит сравнение Бальдра с умершими и воскресшими богами бессмертия и плодородия, распространенными практически повсеместно в ближневосточных религиях. Сакральность земли и земледелия в германо-скандинавской религии преимущественно представлена богами-ванами, и потому элементы аграрной сакральности принято называть ваническими. Соответственно, исследователи, склонные

интерпретировать Бальдра как умершего и воскресшего бога, ищут в мифе о Бальдре ванический компонент.

Одним из сторонников гипотезы о ближневосточном влиянии был Г. Некель⁴¹. Он подчеркивал некоторое сходство между Бальдром и Фрейром — богом, тесно связанным с землей и плодородием в германо-скандинавском язычестве. Некель полагал, что оба они боги солнца и плодородия и что со временем культ Фрейра затмил культ Бальдра. Бальдр, по мнению Некеля, произошел от богов Ближнего Востока, таких как Думузи-Таммуз, Атис, Баал, Адонис, Дионис и Орфей. Боги этого типа часто умирают молодыми, насильственной смертью, и в некоторых обществах их смерти были публично оплакиваемы на осенних празднествах.

Однако скандинавские источники не изображают Бальдра специализированным богом плодородия, как Фрейра. И самое главное, Бальдр не воскрес подобно египетскому Осирису или аккадскому Таммузу — он так и остается в Хель вплоть до конца времен, и это обстоятельство особенно красочно представлено в версии Снорри.

Франц Рольф Шрёдер, посвятивший проблеме Бальдра ряд статей⁴², рассматривал его в качестве бога плодородия, как и многие до него, но акцентировал внимание на сходстве этого бога не с Фрейром и ванами, а с финским героем Лемминкяйненем (*Lemminkäinen*). Лемминкяйнен добился девушки, которую желал, с условием выполнения трех заданий. Он успешно справился с первыми двумя, но в третьем задании должен был добыть лебедя с подземной реки Туонелы (*Tuonela*). Герой добрался до реки, но его пронзил слепой пастух, по всей видимости тростником. Пастух расчленил свою жертву и бросил части тела в реку. После долгих поисков и многих испытаний мать героя выловила куски тела из реки и соединила их. После этого Лемминкяйнен вернулся к жизни.

Истории Лемминкяйнена и Бальдра схожи: убийца героя, хоть и не настолько невинен, как

³⁷ Bugge S. Studien über die Entstehung der nordischen Götter und Heldensagen. München, 1889. Бугге поддерживал в этом Крон. — Krohn K. Lemminkäinen's Tod <Christi> Balders Tod // Finnisch-Ugrische Forschungen. № 5. 1905. P. 83–138.

³⁸ Фрэйзер Дж. Золотая ветвь. М., 2003. С. 635–637; Frazer J.G. Balder the Beautiful: The Fire-Festivals of Europe and the Doctrine of the External Soul: in 2 v. (Part 7) // The Golden Bough: A Study in Magic and Religion: in 12 v. 3-d ed. L., 1913.

³⁹ Clunies Ross M. Prolonged Echoes: Old Norse Myths in Medieval Icelandic Society. Vol. 1: The Myths. Odense, 1994.

⁴⁰ Lindow J. The Tears of the Gods: A Note on the Death of Baldr in Scandinavian Mythology. P. 158.

⁴¹ Neckel G. Die Überlieferungen vom Gotte Balder. Dortmund, 1920.

⁴² Schröder F.R. Balder und der zweite Merseburger Spruch // Germanisch-Romanische Monatsschrift. № 34. 1953. P. 161–183; *Idem*. Balder-Probleme // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. West, 84. 1962. P. 319–357; *Idem*. Die eddichen «Balders Träume» // Germanisch-Romanische Monatsschrift. № 14. 1964. P. 329–337.

Хёд у Снорри, но все же слепой и хромой, а его оружие — безобидное растение. Однако история о Лемминкяйнене содержит некоторые элементы, которых нет ни в одной из версий сказания о Бальдре. Наиболее сильно бросается в глаза расчленение Лемминкяйнена и, опять-таки, его воскрешение. Это может представлять сезонный ритуал смерти и воскрешения бога плодородия. Расчленение и соединение бога имеет место и в истории о Дионисе, и в мифе об Осирисе. Ритуалы подобного типа были распространены во многих частях Азии и Европы, и на первый взгляд нетрудно заключить, что финны позаимствовали этот элемент. И все же гипотеза Шрёдера о том, что история о Лемминкяйнене представляет собой старшую версию мифа о Бальдре, выглядит сомнительно: в скандинавской версии, как отмечалось выше, подчеркивается, что Бальдр не вернется к жизни до Рагнарёк, а также полностью отсутствует элемент расчленения.

Бальдр обладает некоторыми качествами бога плодородия, однако в меньшей степени, чем многие другие. Скорее, миф о Бальдре более тесно связан с единичными мифами, чем с плодородием. Как замечает Джон Линдоу, «на самом деле в легенде гораздо меньше относящегося к культу плодородия, представленному умирающими и воскресающими богами, нежели с инициацией в предполагаемый культ Одина»⁴³. Бальдр — сын Одина, убитый слепым богом с помощью безобидного растения. Подобным образом Викар, легендарный король, был убит единичным героем Старкадом с помощью тростника, превратившегося в последний момент в орудие смерти, а король шведов Эрик Победитель уничтожил врагов, запустив тростник над их головами со словами «Вы все принадлежите Одину!», и в полете тростник стал копьем.

Среди тех исследователей, которые относили Бальдра к мифологии культа Одина, следует отметить Яна де Фриса⁴⁴ и Эдгара Поломе⁴⁵. Де Фрис убедительно оспаривал гипотезу о ближневосточном

влиянии. По его мнению, миф о Бальдре восходит к ритуалам инициации в рамках культа Одина.

Одиничского в мифе о Бальдре, действительно, много, особенно в рассказе Саксона. Он упоминает о встречах Хёда с девами в лесу, которые, должно быть, являются валькириями. Они подсказывают асу, как одержать победу над Бальдром. Валькирии — это девы-воительницы Одина, незримо участвующие в битвах и отбирающие погибших, достойных Вальхаллы. Помимо того, Нанна — это имя валькирии. В «Прорицании Вэльвы»⁴⁶ валькирии названы «наннами Одина» (*NBnnur Herjans*). К тому же имя Нанна отражает древнюю форму слова **nanVō*, связанного с др.-в.-нем. *nand*, что значит «смелость», и *nendam* («посметь»), которому родственно кельтское *nēit* — «битва»⁴⁷.

Аргументируя единичскую интерпретацию мифа, Тюрвиль-Питр замечает: «Скорее всего, Бальдр не был пассивным страдающим Богом, а был отважным воином. Возможно, это отражено в кеннингах для воина, таких как *sárlinn's Baldr* (Бальдр меча), *skjaldar Baldr* (Бальдр щита), *atgeirs Baldr* (Бальдр копья)»⁴⁸.

Аналогично и Хёд не обязательно был слепым инструментом зла. Его имя, по всей видимости, должно означать «битва». Слово «Хёд» — это отражение германского **hapi* («битва»), которое присутствует как первый компонент в имени *Hadubrand* (отец Хильдебранда). Оно родственно кельтскому **katu* («битва»), которое также можно обнаружить в именах германских вождей, таких как *Catumeras*, глава племени хатти согласно Тацитусу, или *Catualda*, глава племени маркоманнов в конце I столетия⁴⁹. Это же слово присутствует в имени Старкада (*stark-hBōr* — «сильный воин») — единичского героя, ослепшего в конце жизни, о котором шла речь выше. Так же как и имя Бальдра, Хёд упоминается в кеннингах для воина четыре раза⁵⁰, и, возможно, его слепота — «это отражение жертвы Одним своего глаза»⁵¹, — замечает Линдоу. «На этом основании, —

⁴³ Lindow J. Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford, 2002. P. 68.

⁴⁴ Vries J. de. Der Mythos von Balders Tod // Arkiv für nordisk filologi. 1955. № 70. P. 41–60.

⁴⁵ Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion. P. 55–82.

⁴⁶ Völuspá 20.

⁴⁷ Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion. P. 68.

⁴⁸ Turville-Petre E.O.G. Myth and Religion of the North. P. 115.

⁴⁹ Polomé E.C. Op. cit. P. 67.

⁵⁰ Liberman A. Some Controversial Aspects of the Myth of Baldr // Alvismál. № 11. 2004. P. 23.

⁵¹ Lindow J. Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. P. 69.

считает исследователь, — мы можем предположить, что в более ранней версии истории смерти Бальдра слепой Один убивает своего любимого сына и забирает его к себе»⁵².

Если это так, то история смерти Бальдра, которую мы видим в «Прорицании Вёльвы», «Снах Бальдра» и «Младшей Эдде», была изменена. Один, ранее сам оборачивающийся Хёдом, в дальнейшем от него совсем отделился. «В действительности можно предположить, что Хёд не был отдельным богом, но что его имя было одним из многих используемых для Одина»⁵³, — заключает Тюрвиль-Питр. Отсюда мог возникнуть миф, что он был слепым. Одно из имен Одина — *Tviblindi* («Слепой на оба глаза»).

«В целом эта история напоминает смерть воинов на поле битвы, убитых копьями валькирий Одина, особенно если учесть, что имена Бальдр и Хёд, судя по всему, означают “господин” и “битва”»⁵⁴, — отмечает Ричард Норс. То, что Один мог сам убить своего сына руками лесных дев-валькирий, которые в версии Саксона подтолкнули Хёда к битве, совершенно не удивляет. Один убивает многих своих героев, фаворитов и избранников, таких как Сигмунд и Харальд Боевой Зуб. В целом Один — причина войн. Здесь же нелишним будет добавить, что имя Миминга, у которого Хёд добывает орудия убийства Бальдра, созвучно с именем Мимира, от которого Один, потеряв глаз, приобрел мудрость.

Мысль о том, что причиной смерти Бальдра в конечном счете является сам Один, встречается уже в конце XIX в. в статье Деттера⁵⁵, и позднее она была поддержана многими учеными. Деттер начинал с простого указания на то, что в одном пантеоне не должно быть двух слепых богов, т.е. богов с одинаковым дефектом. Если это предположение верно, то возникает вопрос о мотиве убийства Бальдра Одним. Тюрвиль-Питр по этому поводу пишет: «Не будет странным предположить, что была иная версия истории, в которой слепой или полуслепой Один спланировал смерть сына. Если это так, тогда Одним двигали те же мотивы, что и в других случаях. Ему нужно было, чтобы его сын

Бальдр присоединился к нему в его царстве, так же как Сигмунд, Харальд Боевой Зуб, Эрик Кровавая Секира и другие»⁵⁶.

Однако возможно, что Один и Хёд вовсе не идентичны. В версии Саксона Хёд и Бальдр скорее выступают как классические герои Одина, стравленные своим богом. Их гибель нужна, поскольку гибель на поле брани — необходимое условие попадания героя в Вальхаллу. Бальдр и Хёд погибают, и возможно, оба — по вине Одина, поскольку должны присоединиться к своему отцу в царстве мертвых. Не менее интересно и то, что Нанна — имя валькирии, а в версии Саксона Бальдр и Хёд борются за то, кто станет ее супругом. Конечно, Саксон не мог знать этого, однако сохранил сам сюжет. Вступить в брак с валькирией равноценно смерти и попаданию в Вальхаллу. Первое случается с обоими героями, а о втором Саксон ничего не знает.

То, что Бальдр и Хёд попадают в Вальхаллу, можно было бы утверждать со всей определенностью, если бы не сообщения о том, что они попадают в Хель, т.е. в альтернативное Вальхалле и негативное по своим характеристикам место вечности. Однако даже это не может стать полноценным аргументом против интерпретации Бальдра и Хёда как двух одиночных героев. В «Снах Бальдра» мертвая провидица рассказывает Одину о грядущей смерти сына: «Мед здесь стоит, / он сварен для Бальдра, / светлый напиток, / накрыт он щитом»⁵⁷. Мед пьют павшие воины в Вальхалле, украшенной щитами и другим оружием. Иначе говоря, слова Вёльвы можно понять так, как будто место, в которое должен попасть Бальдр — не Хель, а Вальхалла. Также и погребальный корабль Бальдра напоминает классические погребения викингов — тех самых воинов, которые всеми силами стремились попасть в Вальхаллу и погребальный корабль расценивали как средство для этого. Есть еще одно интересное свидетельство в скальдических стихах, описывающих прибытие Эйрика Кровавой Секиры* со своими последователями в Вальхаллу. Когда они приближаются, Браги говорит, что это Бальдр

⁵² Turville-Petre E.O.G. Op. cit. P. 119.

⁵³ Ibid. P. 115.

⁵⁴ North R. Heathen Gods in Old English Literature. P. 125.

⁵⁵ Detter F. Der Baldrmythus // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1894. № 19. P. 508–509.

⁵⁶ Turville-Petre E.O.G. Myth and Religion of the North. P. 115.

⁵⁷ Badrs draumar. 7.

* Эйрик Кровавая Секира (885–954), изгнанный из Норвегии, погиб в битве за власть над Йорком.

вернулся домой со своей свитой, однако Один отвергает это предположение как невозможное⁵⁸. Если это верно, то остается два варианта: либо слова Вэльвы и отрывок из «Речей Эйрика» — это артефакт древнего мифа, который забылся со временем, либо в случае с Бальдром что-то пошло не так, и тот, кто должен был попасть в Вальхаллу, в итоге попал в Хель. Возможно, этим объясняется безмерная и беспрецедентная скорбь богов.

Скорее всего, в рассматриваемом мифе речь идет о жертвоприношении, поскольку именно жертва переносит избранников Одина из земного мира в мир бога*. Категория жертвы окончательно выводит нас из земной логики проблемы Бальдра и лишает смысла этические спекуляции наподобие «зачем отцу убивать сына?».

О смерти Бальдра как о жертве свидетельствует сама Вэльва: «Я видела Бальдра, кровавую жертву»⁵⁹. Ульф Угассон в «Húsdrápa» называет Бальдра «святое приношение» (*heilagt taft*)⁶⁰. Языковые данные также подтверждают связь Бальдра с жертвоприношением. *Baldr* (от *Baldraz) и обозначение жертвы — др.-исл. *blót* (от инд.-евр. *bhlād) — возводятся к и. е. **bhel-*, **bhlē-* — «набухать», «изобиловать». Др.-исл. *bál* (от инд.-евр. **bhel-* — «блестеть»), обозначающее погребальный костер Бальдра, по-видимому, также родственно имени *Baldr*⁶¹. Родство между глаголами со значением «набухать», «расти» и словами, обозначающими жертвоприношение, само по себе интересно и восходит скорее всего к эпохе неолита⁶². По всей видимости, индоевропейцы, как и многие другие народы, видели связь между пищей и жертвой, с одной стороны, и огнем и жертвой — с другой.

Следует немного вернуться к гипотезе об инициации. Эдгар Полеме и Де Фриз выделяют в мифе следующие поэтапно раскрывающиеся смыслы:

– появление смерти, которая будет для человека неминуема;

– установление Одином человеческого жертвоприношения с использованием копья (и, возможно, повешения);

– введение кремации;

– крах всех попыток победить смерть путем выполнения определенного условия⁶³.

В ритуалах инициации мифологема смерти является центральной. Это связано прежде всего с тем, что иницируемый должен стать новым существом, перейти из одной формы существования в другую, но для этого старая форма существования должна умереть. «Чтобы действительно стать мужчиной, человек должен полностью осознать неизбежность смерти и принять ее со спокойной отрешенностью... Это было понято древней Скандинавией: везде смерть ассоциировалась с чем-то неприродным»⁶⁴, — пишет Полеме.

В литературных источниках, в частности у Тацита и в некоторых исландских сагах, можно встретить упоминания об инициациях юношей во взрослых воинов, практиковавшихся у германцев. Так, по словам римского историка, только после доказательства своих способностей молодым людям позволялось носить оружие и занимать свое место в жизни общины⁶⁵. В другом месте Тацит, рассказывая об обычаях племени хатти, говорит, что дети хатти, достигая половой зрелости, не стригли волос и не брились, пока не убьют врага. После же они брились на кровавых останках и считали, что только так они платят цену своего рождения⁶⁶.

Картину инициации изображает «Сага о Вэльсунгах», и переход от юности во взрослый мир воинов описан в ней особенно кроваво⁶⁷. Мать Синфьётли — будущего воина, посвященного Одину, — испытывает мужество своих детей, пришивая рубашки к их коже и затем срывая их так, чтобы кожа с кусками мяса оставалась на рукавах рубашки. Очевидно, что не все дети готовы к подобной про-

⁵⁸ Eiríksmál. 4.

* Скандинавская традиция, представленная культом Одина, рассматривала битву и смерть во время военных действий как жертвоприношение.

⁵⁹ Völuspá. 31.

⁶⁰ Húsdrápa. 14.

⁶¹ См.: Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 344–345.

⁶² Подробнее см.: Зубов А.Б. История религий. Кн. 1: Доисторические и внеисторические народы. М., 2006. С. 163ff.

⁶³ Vries J. de. Der Mythos von Balders Tod. P. 51; Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion. P. 78.

⁶⁴ Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion. P. 78–79.

⁶⁵ Tacitus. Germania. 13.

⁶⁶ Ibid. 31.

⁶⁷ Völsunga saga. 7–8.

цедуре, но Синфьётли молчит, лишь замечая, что для Вёльсунга это незначительная боль. Далее Сигмунд просит мальчика вымесить мешок муки, в котором находится ядовитая змея. Тот выполняет задание, замечая лишь, что в муке было что-то живое. В конце Сигмунд и Синфьётли влезают в волчьи шкуры и, как говорит сага, приобретают волчью природу и начинают говорить по-волчьи. Они не могут сбросить шкуры и договариваются идти разными дорогами и бросаться на врагов численностью не больше семи. В итоге Синфьётли сначала помогает Сигмунду победить его врагов, а потом убивает одиннадцать человек, напавших уже на него. Далее следует странный рассказ о том, как Сигмунд в ответ на укор мальчика перегрызает ему горло, чтобы позже излечить или, возможно, оживить волшебной травой, которую ему принес ворон, что свидетельствует об одиноческом мотиве саги. После этой инициации мальчик становится способным выполнить задание — отомстить за смерть дедушки.

Поломе и Де Фриз ссылаются на этот отрывок, сравнивая его с мифом о Бальдре. Но Бальдр не возвращается к жизни, как это произошло с Синфьётли. «Тем не менее, — полагает Поломе, — Бальдр возрождается в другой войне, мстителе за себя, Вали»⁶⁸. Вали — «быстрый» сын Одина, его возраст — одна ночь. Его имя родственно др.-сканд. *waihalaR — «маленький воин»⁶⁹. Он тот, кто принят во взрослое общество, где от него ожидают, что он немедленно убьет своего первого врага. Он не моет рук, не обрезает волос, пока убийца Бальдра не умрет. Это напоминает сообщение Тацита о воинах хатти.

Если эта интерпретация верна, тогда, возможно, инициация проходила в кругу мужчин, которые бросали оружие в юношу, а потом в какой-то момент «появлялся» Один, который поражал иницируемого прутком или каким-то оружием. Далее человек считался умершим, и совершалось оплакивание. В конце символически рождался другой человек, а не воскресал старый.

Бальдр в Беовульфе

Помимо эддических текстов и текста Саксона, существует еще один источник, возможно, повествующий о смерти Бальдра, — в «Беовульфе» есть фрагмент, который добавляет некоторые интерес-

ные детали к интерпретации образа Бальдра как жертвы Одина. В поэме описывается случайное убийство Херебальда своим братом Хадкюном, в именах которых читаются имена Бальдра и Хёда: «И так случилось, / что младшего брата свалил брат Хадкюн / на ложе смерти стрелой, сорвавшейся / с упругого лука в игре на охоте / без злого умысла, братоубийству / была причиной стрела неверная, / поэтому Хредель не мог по праву / воздать за сына другому сыну»⁷⁰. Далее автор по неизвестной причине начинает говорить об умершем от стрелы Херебальде как о повешенном на дереве: «Так некий старец, увидевший кровного / чада тело на дереве смерти / в удавке пляшущее, горько сетует, / слагает строфы об отпрыске юном, / в петле висящем на радость воронам, / а сам он, старый, не властен исправить / участь детища»⁷¹. И далее описывается великая скорбь отца об умершем сыне, подобная скорби Эгиля по своим сыновьям из поэмы *Sonatorrek* и скорби самого Одина.

Поэма «Беовульф» была записана в X в., таким образом, миф о Бальдре, отраженный в истории Херебальда, номинально является более ранним, чем тексты Снорри и Саксона. Ричард Норс попытался проанализировать историю из «Беовульфа» в связи с поэмой Ульфа Утгасона «*Húsdrápa*» и иными скандинавскими версиями мифа. Очевидно, что автор «Беовульфа» недвусмысленно говорит о повешении Херебальда или же о том, что его отец Хредель воспринимает гибель сына как повешение на дереве. Повешение вместе с упомянутой «радостью воронов» напоминает жертвоприношение Одина на Мировом древе Иггдрасиль, а также историю Старкада и Викара. Норс полагает, что следует попытаться найти следы повешения Бальдра в скандинавской литературе: «Доказательства в пользу повешения и пронзания Бальдра скупы и фрагментарны. Его жертвоприношение интересно тем, что ранение Бальдра характерно для любой версии этой истории; однако его повешение, как поездка в Хель на виселице-лошади, проявляется лишь в кеннинге «морской Слейпнир», который Ульф Утгасон употребляет при описании погребального корабля Бальдра (*haf-Sleipnir*)»⁷².

Норс указывает на дословный перевод строчки из «Беовульфа». Когда беспомощный отец скорбит, он буквально наблюдает, «что его мальчик должен ска-

⁶⁸ Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion. P. 80.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Беовульф. 2434–2441 (пер. В. Тихомирова); цит. по: Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 144.

⁷¹ Беовульф. 2444–2449; см. там же. С. 144–145.

⁷² North R. Heathen Gods in Old English Literature. P. 200.

кать молодым на виселице»⁷³. Следовательно, Херебальд едет в Хель на виселице как на лошади. Можно отметить, что ритуально-поэтическое отождествление виселицы и лошади очень характерно для скандинавской традиции. О повешенных говорят, что они едут на виселице, и, следовательно, у Норса есть основания для проведения параллелей.

Чуть дальше в поэме сказано: «Всадники спят, герои во тьме»⁷⁴. Множественное число, по мнению Ричарда Норса, никогда не объяснялось достаточно удовлетворительно, но эта форма, кажется, сохранилась в сообщении Снорри в «Видении Гюльви» о том, что пять мертвецов уже переехали через мост накануне прибытия Хермода, отправившегося в Хель вслед за Бальдром. К тому же «тьма»⁷⁵ (*hóðma*) из «Беовульфа» перекликается с «темными глубокими впадинами», которые должен переехать Бальдр по пути к мосту через реку Гьель. «Таким же образом в “Беовульфе”, возможно, смерть Херебальда показана как повешение, протыкание и езда с другими умершими»⁷⁶, — заключает Норс. В другом месте он прямо пишет: «...смерть Бальдра была жертвоприношением, в котором он был не только пронзен копьем, но также повешен на Мировом древе»⁷⁷. И далее исследователь со ссылкой на Ульфа Угассона и кеннинг погребального корабля Бальдра «морской Слейпнир» резюмирует, что Бальдр отправился в Хель на Слейпнире, что одновременно означает и повешение на Мировом древе, подобное жертвоприношению Одина.

* * *

Итак, последние замечания еще больше сближают миф о Бальдре с культом Одина. Смерть Херебальда описывается автором «Беовульфа» как смерть самого Одина, что, конечно, не означает, что Бальдр и Один одно лицо. Скорее поэма подтверждает интерпретацию образа Бальдра как единичного героя, повторяющего смерть своего бога, дабы уподобиться ему и в итоге соединиться с ним в Вальхалле. Бальдр — сын Одина, но и герой Старкад, по сути, приходится приемным сыном Одину. Один приносит Бальдра как жертву, что согласуется с участью всех героев этого верховного бога, смерть которых он подстроил. Во всяком случае так Бальдр и Хёд выглядят в повествовании Саксона. Однако

под вопросом остается версия Снорри и негативная участь Бальдра в «Младшей Эдде». Почему Бальдр попадает в Хель? Возможно, попадание Бальдра в Хель — результат искажения мифа, а в изначальной версии окончательным местом пребывания Бальдра была Вальхалла. Или же можно принять версию Де Фриза и Поломе о том, что в ритуале инициации старый человек умирает и попадает в Хель, а новый человек рождается для будущей Вальхаллы. Но тогда не вполне понятно, почему Бальдр и Хёд выйдут из Хель после гибели богов и почему эта гибель богов начинается со смерти Бальдра, если речь идет только об инициации.

Связь Бальдра с умершим и воскресшим богом, вероятно, также имела место. В эпоху неолита в Северной Европе были распространены идеи, связанные с сакральностью земли и мистикой возрождения. В контексте этих идей фигура, подобная Бальдру, вполне могла существовать, и, возможно, она оказала определенное влияние на структуру мифа о Бальдре. И все же Бальдр эпохи викингов далек от классического образа умершего и воскресшего бога. Даже если, назовем его условно, прото-Бальдр существовал, этот персонаж не был понят поклонниками Одина, которые стремились в Вальхаллу и в качестве идеальной участи видели себя в качестве эйнхериев — воинов Одина, неустанно сражающихся после смерти в ожидании последней битвы. Умерший и воскресший бог был им просто не нужен для достижения такой религиозной цели, как Вальхалла. Возможно, Бальдр эпохи викингов есть результат переосмысления людьми, исповедовавшими культ Одина, древних преданий. Может быть, этим объясняется то, что после гибели богов именно участники драмы Бальдра возродятся в новом мире. Говоря иными словами, идея воскресения Бальдра была лишней в логике достижения Вальхаллы, но сохранилась как артефакт и была отнесена к эпохе, когда образ Вальхаллы теряет актуальность. Ведь после гибели богов судьба Вальхаллы и эйнхериев неизвестна. А в остальном Бальдр был переосмыслен, адаптирован и стал частью мифологии Одина.

Если у Саксона Бальдр — герой Одина, то у Снорри эпизод с Бальдром выглядит как единичное жертвоприношение, которое по каким-то причинам

⁷³ Беовульф. 2445–2446 («gæt his byre ride giong on galgen»).

⁷⁴ Беовульф. 2457–2458 («ridend swefað, hæreð in hóðman»).

⁷⁵ Gylfaginning. 48.

⁷⁶ North R. Heathen Gods in Old English Literature. P. 200.

⁷⁷ Ibid. P. 300.

пошло не так как надо, т.е. было испорчено. С этого испорченного ритуала начинается гибель богов и смерть. Тогда, возможно, таинственные слова Одина, «которых не знает никто», прошепанные богом своему мертвому сыну, — это какая-то формула, которая позволит Бальдру возродиться в обновленном мире после Рагнарёк. Наверняка неспроста имя Бальдра встречается во Втором Марзебургском заклинании на восстановление костей хромого коня. Возможно, Бальдр — это бог, с которым ассоциировалось восстановление разрушенного мира. Как предположила Т.В. Топорова, «Бальдр на погребальном костре отождествляется с жертвой, приносимой Одином в целях повторной космизации вселенной в преддверии гибели богов»⁷⁸. Вероятно,

эта жертва на погребальном костре должна была не предотвратить гибель, а помочь в этой гибели не погибнуть. Можно даже теоретически разделить миф на два жертвоприношения: смерть Бальдра и погребальный костер. Первое священнодействие было нарушено и искажено, и тогда начинается второе, которое должно исправить последствия первого. Тогда Один шепчет что-то мертвому сыну [и это выражено глаголом *rūnen* («шептать»), связанным со словом «руны»] и возлагает волшебное кольцо Драупнир, и затем следует погребальный костер. Безусловно, всё это только предположения, однако они не лишены теологической логики. В конце концов миф о Бальдре остается одной из самых больших загадок скандинавской мифологии.

© Негреев И.О., 2012

---

⁷⁸ Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире. С. 344.